

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

П.П. Марченя,

Крестьянство и империя в 1917
году: массовое сознание как фактор
политической истории Октября

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/March_kr_imp.pdf

Текст произведения используется
в научных, учебных и культурных целях
(Ст.1274 ГК РФ)

URL:<http://www.civisbook.ru>

П.П. Марченя

*Кандидат исторических наук, доцент Московского Университета МВД
России*

Крестьянство и империя в 1917 году: массовое сознание как фактор политической истории Октября

Отношение масс к известной идее –
вот единственное мерило,
по которому можно судить
о степени ее жизненности...

М.Е. Салтыков-Щедрин

Рубеж конца Нового времени оказался роковым в судьбе целого ряда империй. Не могла остаться в стороне и самая крупная империя мира – Российская. Капитуляция перед вызовами Новейшего времени, игравшего системообразующую роль в отечественной истории Самодержавия, поставила на повестку дня вопрос о самой возможности сохранения России в ее имперском формате. Восемь месяцев от Февраля к Октябрю 1917 г. спрессовали в себе целую эпоху: сразу несколько «исторических альтернатив» получили шанс доказать свое право на наследование за ставшим трупом еще при жизни царизмом. В условиях, когда на бескрайних просторах оставшейся без Самодержца Державы слились в невиданном резонансе глобальные катаклизмы мировой войны, модернизации, революции и обусловленной этими факторами «потери почвы», все участвующие в историческом конкурсе «альтернативы» в определенном смысле можно назвать утопическими. Но есть и исторический факт: на этом организованном самой историей аукционе утопий убедительную победу одержал большевизм, который его конкуренты поначалу вообще не принимали всерьез.

Очередной юбилей Семнадцатого года, как обычно, стал поводом для возвращения к старому спору о закономерности и обусловленности этой победы. Как и всякое значимое историческое событие, революция 1917 г. активно эксплуатируется в современной политической мифологии, где за действительное может выдаваться хоть желаемое, хоть не желаемое. До сих пор попытки использовать ошибки прошлого для оправдания себя в настоящем осуществляют-ся иногда очевидно вопреки историческим фактам, формальной логике и даже просто здравому смыслу¹. В рамках настоящей статьи делается попытка кратко обрисовать основные контуры опирающейся на значительный эмпирический материал² теоретической модели, позволяющей за крайне противоречивым и разнородным политическим процессом Февраля-Октября увидеть конкрет-

ную историческую логику, определившую сравнительную последовательность и единство глобального общероссийского сдвига: от бессилия оставшейся мифом демократии к установлению ставшей реальностью диктатуры. Разумеется, любая теория, претендующая на логическое объяснение революции, не может быть ни чем иным, кроме ее редукции. Автор полностью согласен с В.П. Булдаковым в том, что «фантазмагоричность «красной смуты» способна усмирить любую интеллектуальную гордыню» и «тонкая материя» российского бытия находится в более чем своеобразных отношениях с логикой, а потому многообразие ее проявлений всегда готово посрамить любую теорию»³. Но известно и другое: ограниченная в своем качестве теория все же полезнее неограниченных в количестве фактов.

Прежде всего, учитывая полисемантическую и остро дискуссионную и идеологически-осеченную характер употребления понятия «империя», необходимо сделать несколько умозрительных методологических уточнений, что понимается под *Империей* в представляемой ниже модели⁴. Автор солидарен с теми современными исследователями, которые не считают империи «дурным прошлым» человечества, а, напротив, исходят из признания империи не исключением, а «**правилом** всемирной истории»⁵. Чаще всего, говоря об империи, имеют в виду один из следующих признаков (или их выборочную совокупность): номинальное наличие императора, власть которого («де-юре» или «де-факто») признается сакральной; полиэтничность и обусловленная ею этнокультурная гетерогенность; патернализм как основа «вертикали власти» и социокультурных взаимосвязей внутри имперской «семьи народов»; масштабность освоенных пространств; экспансионизм территориальной и культурной политики, ее империалистический, колониально-гегемонический характер и вытекающее из всего выше сказанного своеобразие отношений центра и периферии внутри империи и связей с соседями вне ее. Но *Империя* — если рассматривать ее не в конкретно-временном, а в безотносительном, идеально-типическом ракурсе, не есть лишь масштабное полиэтничное государство с обширными государственными интересами, у которого хватает воли, сил и средств вести «империалистическую» политику, насильственно вовлекая в свою орбиту все новые народы. *Империя* — это государство, осознавшее свою роль во всемирной истории и целенаправленно выполняющее ее как *Миссию*, находящуюся превыше локальных (местечковых) — *всего лишь государственных* — интересов. В рамках такого понимания *Империи*, она, по сути, единственный реально возможный в истории государственный синтез онтологических и аксиологических представлений человека: *Империя* — это государственная форма осмысленного бытия человека и общества. *Империя* — это наднациональная суперэтническая форма объединения народов в единое социокультурное пространство, в котором их бытие вписано во вселенский провиденциально-эсхатологический контекст битвы Добра со Злом. *Империя* — это форма опосредованной власти *Империатива*, являющегося общезначимым нравственным предписанием для имперообразующей нации и включаемых в нее народов, определяющего смысл

и цель индивидуального и сверхличностного существования человека и человечества в истории. В этом смысле всякое государственное образование, которое претендует на роль *Империи*, исходит из того, что именно оно основывается на *Идее* (комплексе идей), которая предлагается человечеству в качестве истины, способной служить антиэнтропийным центром человеческого мира на данном этапе его истории. *Империя* — это не просто «большая семья»... — это большая семья, которая знает (или полагает, что знает) свой смысл жизни и дарит причастность к нему всем своим членам. Каждый отдельный народ (как и каждый отдельный человек), идентифицирующий себя с Империей, получает возможность обрести ценностную полноту своего социального бытия в служении некой Великой Целостности, найти надежную опору, находящуюся вне времени (тем более, вне всяких смутных времен), приобщиться Вечности. В этом смысле, конечно, Империя есть утопия. Но это работающая, и как показывает история, эффективно работающая утопия. В указанном смысле, именно *Империя*, *Имперская идея* является демиургом российской истории, по меньшей мере, со времен генезиса доктрины Третьей империи⁶.

Разумеется, в конкретной истории любая империя со своими зримыми, историческими, относительными ценностями есть лишь грубое земное отражение *Империи*, воплощающей идеальные, вечные, абсолютные ценности. В этом антагонистическом, заведомо обреченном на несовершенство, взрывоопасном соответствии заложены и причины относительной устойчивости и исторической жизнеспособности империй, и причины циклически повторяющихся имперских кризисов. Хранителем и выразителем базового минимума имперских ценностей является народ, который, с одной стороны, является строителем империи, с другой — сам становится ее фундаментом. В рамках такой модели понимания *Имперскости*, народные массы обеспечивают статику функционирования империи, а элиты — динамику. Если действия элит явно вступают в конфликт с основополагающими ценностями народа, ставят под угрозу историческое бытие *Империи* — наступает Смутное время. На сцену истории вынужденно вступают народные массы, в нормальное историческое время относящиеся к политике индифферентно. Движущей ими силой выступает негативизм (как правило, не до конца или совсем не осозанный), являющийся, используя биологическую аналогию, показателем иммунного статуса имперского организма⁷. Особая роль в этом механизме принадлежит изначально противоречивому, ситуативно производному от общественного сознания, — сознанию массовому⁸. Собственно, в нем главным образом и происходит борьба за *Империю*, в нем и коренятся ее *Дух* и *Кровь*. Если смысловым стержнем *Империи* считать именно ее идеократический компонент, то борьба за власть в *Империи* — это и есть, прежде всего, битва за *Идею* (также как борьба Империй есть борьба Идей...), полем которой является сознание людей.

Главный вопрос смутных времен в отечественной истории — вопрос о легитимности либо «самозванности» претендующих на власть сил — решается именно в массовом сознании, в системе архаически основополагающих координат

«своей-чужой». В указанном смысле, ключ к социокультурным кодам Российской империи следует искать в русской крестьянской поземельной общине, истоки особенностей проявления массового сознания в России – в общинном сознании⁹. Крестьянский бунт в имперской истории – не просто «форма самозащиты крестьянской общины»¹⁰, – в значительной мере это проявление механизма самозащиты всего Имперского тела.

В 1917 г. основой политико-правовой культуры российского крестьянства, несмотря на постфевральские декорации, продолжали служить вековые традиции общинности с ее своеобразным авторитарным коллективизмом и резко отрицательным отношением к индивидуализму, категорическим неприятием идеи частной собственности на землю, отрицанием оторванного от жизненных реалий позитивного права, доходящим до полного к нему презрения в случае несоответствия текущего законодательства народным представлениям о Правде, несогласованности с традиционными общинными ценностями, необеспеченности Идеей и эффективно работающим на нее репрессивно-властным механизмом¹¹. Осознав, что «одному – бублик, другому – дырка от бублика. Это и есть демократическая республика» (В.В. Маяковский), крестьянские массы приступили к активным «самочинным» действиям по реализации своих чаяний традиционными методами. И они показали себя не пассивным объектом политики и права, а могущественной силой, на которую никто не мог вполне опереться. Крестьянское воздействие на жизнь страны проявлялось не только в сельской местности, но и во всех значимых городских событиях, сказывалось на позиции и действиях власти, партий и самых разных организаций¹². К осени крестьянское движение приняло антигосударственный характер¹³. Введенные «свободы», оказавшись в противоречии с представлениями крестьянства о «правильном порядке», не были подкреплены ни обращением к традиционным имперским символам, идеям и ценностям, ни развитой правовой системой, ни единством институтов власти, ни деятельностью силовых структур – и были уничтожены стихией крестьянского ресентимента, чьим выразителем стал на время большевизм, основой успеха которого являлись осовремененные общинные лозунги¹⁴...

Программы, идеи и символы, которые провозглашались теми или иными партиями «главным словом текущего момента», и реальные плоды партийной деятельности в условиях Смуты-1917, находятся в парадоксальном «соответствии»¹⁵.

Кадеты, опираясь первоначально на идею конституционной монархии, сыграли наиболее значительную, по сравнению с другими партиями, роль в деле компроматации и гибели института монархии в России; добившись формальной возможности осуществлять свои «конституционно-демократические планы» – «вдруг» обнаружили, что народ России к ним не готов («недостаточно хорош для их идей»); будучи «главными» либеральными демократами России («демократами без демократии») – они как минимум на 70 лет (если не навсегда...) скомпрометировали саму идею либеральной демократии в России; высту-

пая за правовое государство — «конституционалисты» показали себя не умеющими править (применить право) и спровоцировали грандиозный «правовой беспредел»; пытаясь (на словах) отстаивать частную собственность — они ввергли всю страну (на деле) во «всероссийский погром»; называя себя Партией Народной Свободы — они стали в массовом сознании главными врагами народа и его свободы; считая себя творцами Великой Русской Революции, очень скоро оказались в глазах народа ее «слепыми поводырями», самозванно узурпировавшими место Царя-батюшки временщиками (в России способными только разрушать, но не творить) и, наконец, «повинными в смуте оборотнями»; уповая на фетиш Учредительного собрания — такие его «учредители» не имели никаких шансов на заметную в нем роль даже по формальным итогам голосования¹⁶...

Эсеры были обязаны своим политическим капиталом, прежде всего, лозунгу «Земля и Воля» — и именно тогда, когда он стал претворяться в жизнь на практике, стали говорить о необходимости решения столь масштабных вопросов только конституционным путем; полагали себя выразителями интересов трудового крестьянства — и уступили идейно-институциональное лидерство меньшевикам, считавшим себя проводниками воли иного — рабочего — класса и открыто провозглашавшим чуждость интересов «мелкой буржуазии»; в качестве главной крестьянофильской партии страны пользовались наибольшим доверием общинных крестьян как их защитники от бар и мироедов — и уступили инициативу крестьянофобам-большевикам (были острижены ими, используя библейские сюжеты, словно Самсон Далилой) и, уже без всяких на то оснований продолжая считать себя самой могущественной партией, — наивно пытались подорвать авторитет большевиков в глазах крестьян «обещаниями почти того же, что и он обещал, но только — чуть меньше»¹⁷. По смыслу и фактически неонародники сами отдали свою социальную базу под гнет, как показала дальнейшая история, куда более жестокий, чем это было во времена помещиков и кулаков...

Меньшевики, выступая за продолжение эволюционного пути развития капитализма в России — на деле внесли немалый вклад в то, чтобы сделать такое развитие событий невозможным; декларируя адресное выражение интересов пролетариата — всячески пытались избежать властной ответственности, прячась за спину антагонистического врага пролетария — буржуазии; призывая все демократические силы к единству — даже между собой были согласны разве только в том, что «меньшевизм лучше большевизма» (Г.В. Плеханов); считая себя «мозгом революционной демократии»¹⁸, на деле принципиально отказались от народной поддержки, громогласно продолжая объявлять российское крестьянство — почти весь народ! — «аморальным классом»¹⁹, провозглашая верность марксизму — отказались от выполнения завета Маркса, который предупреждал, что только в лице крестьянства «пролетарская революция получит тот хор, без которого ее соло во всех крестьянских странах превратится в лебединую песню»²⁰, называя своей конечной целью победу социализма — утверждали, что «пытаться насаждать социализм в экономически и культурно отсталой стра-

не — бессмысленная утопия» (Ю.О. Мартов); позиционируя свои идеалы как «европейские», к которым пока не готова «азиатская почва» России — по существу, сами выкинулись за обочину продолжающейся истории Российской цивилизации...

Большевики, пропагандируя ненависть к самодержавию, фактически заняли его историческое место в массовом сознании и преемственно продолжили его Имперскую миссию; декларируя интернационализм, уловили целый ряд традиционно-мессианских, имперско-архетипических установок нации, сохранили государственную целостность и независимость России, воссоздали Империю в новом историческом качестве; формально выражая интересы рабочего класса действовали во многом созвучно общине²¹ (и дело не только в легимизации «черного передела» — большевики вернули народу причастность «почве» Империи, вместо десакрализованной и девальвированной старой Идеи — дали новую, установили твердую власть, осуществили социальную модель всего государства на общинных принципах: патернализм, «демократический централизм», авторитарный коллективизм, всеобщая регламентация общественной жизни и т.д.) ...

Таким образом, на вопрос об «исторических альтернативах» был дан однозначный, как это и бывает в истории, ответ, сформированный в недрах массового сознания, а не на в итоговых выводах академических работ, и тем более, не на страницах партийных программ, которых в России практически никто не читал ни тогда, ни теперь. Большевики вовсе не опровергли утверждение К. Маркса, что «ни одна революция не может быть совершена партией, она **совершается только народом**»²². Еще В.О. Ключевский, в поисках логики, подчиняющей действия народной стихии и детерминирующей функцию масс в истории Российской империи, подметил: «Наш народ совершил много великого, еще не созданного, не оцененного ни им самим, ни благоговеющими пред ним народопоклонниками. Но в создании этого великого действовали силы, подобные тем могучим и слепым силам, которые подняли громадные горы. Им можно изумляться, их можно страшиться; всего лучше спокойно изучать их действие и создания; но поклоняться им есть детская нелепость; подозревать в них таинственный глубокий разум есть самообольщение... Что материальнее, бессознательнее **чувства самосохранения?** — (здесь и далее выделено мной — П.М.) — А ведь только эта одна могучая сила двигала нашим народом в его великих, гигантских деяниях. Все его малозамечаемые пока историей создания запечатлены резкой печатью **борьбы за жизнь...**»²³.

Действительно, состояние массового сознания и поведение масс в революционных событиях 1917 г. даже при самом народолюбском и пробольшевицком настрое никак не могут быть признаны подходящим объектом идеализации. Любой серьезный историк русской революции при желании легко сможет вызвать шок у впечатлительного обывателя неприукрашенным, строго документальным рассказом о вакханалии массового насилия и реальных проявлениях грандиозной социальной психопатологии Красной Смуты. Но, как это сфор-

мулировал наиболее авторитетный ее исследователь, «Красную Смуту» осуществили потрясенные несправедностью мировой войны и развращенностью власти «люди с ружьем», а не заговорщики-самоучки». Причем, «бунтовать они начинают лишь тогда, когда ошутят себя в роли бестолковых статистов в пьесе, написанной идиотом и поставленной бездарем. Тогда рядом с бессильной властью станет вырастать созданный массовым сознанием ее «теневой двойник», которому начнет навязываться амплуа спасителя»²⁴. Большой удачей для России было бы, если б ее историки смогли донести до ее политиков эту несложную мысль. Патология — не в стихии народного разрушения, патология — в действиях элит, не умеющих или не желающих идеологически и психологически обеспечить поддержку проводимой политики массовым сознанием, тем самым провоцируя социальный взрыв как закономерную иммунную реакцию имперского организма, пытающегося уничтожить чужеродные импланты. Используя систему классических образов Л.Н. Толстого, можно с уверенностью констатировать, что, оценивая Октябрь *«взглядом из XXI века»*, по меньшей мере, нелепо упрекать русский народ в том, что в борьбе за свое выживание в качестве оружия он выбрал *дубину, а не шпагу*.

Еще перед Октябрем в «Новом Сатириконе» были опубликованы стихи В. Князева, которые в шуточной форме передают вопиющее непонимание интеллигентскими партиями традиционного объекта интеллигентских утопий — народа России, не соизволившего принять «господские» правила игры в «российскую демократию»: «Сужденья черпая из книжек, / Творили собственный народ, / И был приятен им, как рыжик, / Духами вспрыснутый Федот. / И вдруг — ужасная картина! / Под топорами пала дверь... / На место ангела — скотина! / На место брата — лютый зверь!!! / Ах, ах! какое превращение, / Где ж русский добрый наш народ... / И вот уж полон возмущенья / Интеллигентский бедный крог...»²⁵.

Представители потерпевших полное фиаско партий действительно нередко в качестве самооправдания приводили «аргументы» на уровне: «Вот если бы не невежество и темнота вышедшей из берегов народной стихии...» (читай: *Вот если бы не русский народ...*)²⁶. Когда, спустя без малого век, им вторят современные «исследователи»²⁷, это звучит еще более одиозно (по сути: *«Вот если бы не русская история...»*). Да и принципиальная *«неуправляемость стихии»* является на самом деле мифом, еще более далеким от исторических реалий, чем так называемая *«управляемая демократия»*. По свидетельству явно не имевшего никаких оснований зря хвалить большевиков А.И. Деникина, взявшегося уже в 1920 г. подвести «некоторые итоги первой части революции», «...мы слишком злоупотребляем элементом стихийности, как оправданием многих явлений революции. Ведь та «расплавленная стихия», которая с легкостью сдунула Керенского, попала в железные тиски Ленина-Бронштейна и вот уже более трех лет не может вырваться из большевистского застенка»²⁸. — Возникает вопрос: Было ли это для России большим злом, чем историческая нежизнеспособность и государственная импотентность, которые продемонстрировали перед лицом якобы

«неукротимой» народной стихии их политические оппоненты? — Как признал в 1921 г. один из бывших борцов с большевизмом (тоже участник Добровольческой армии) русский ученый С.С. Чахотин: «Но представим себе даже, что, по какому-то невероятному сцеплению обстоятельств, восстание удалось, большевики свергнуты и Россию не разобрали в этот момент по кускам соседи и бывшие друзья. Что ждет нас на следующий день после восстания? Чья власть? Кто сменит большевиков? Кто будет тот, кто сумеет при еще несомненно ухудшившихся экономических условиях, при вновь развалившейся армии вывести страну из нового хаоса? Керенский? Кадеты, энесы, эсеры? Начнем сказку про белого бычка сначала? Все эти обломки тех партий, которые и по сию пору, сидя давно за границей, не могут перестать грызться между собою на потеху всего мира? Нет, мы думаем, что громадное большинство не только русских народных масс, но и интеллигенции, и не только в самой России, но и за границей, навсегда оставило эти влачащие ныне жалкое существование штабы без армий. Нет, все что угодно, но только не эти трупы!»²⁹...

В заключение хотелось бы особо обратить внимание на некоторые, имеющие принципиальное методологическое значение, общие проблемы исследований массового сознания революционной эпохи и моделирования места и роли народных масс в русской революции (да и в отечественной истории вообще). Любой исследователь вынужден, так или иначе, отвечать на вопрос: так почему же русский крестьянин (шире: русский народ, русский человек), являвшийся традиционным оплотом государства Российского и носителем множества действительно замечательных качеств, в условиях кризиса Российской империи 1917 г. проявил свойства как раз не созидательные, а разрушительные. Иначе говоря, повел себя в революции как «не только зверь, но и дурак» (П.А. Сорокин), и «предстал перед наблюдателями его психоза почти как какая-то другая низшая раса» (П.Н. Милоков). И каков же он на самом деле?

Многие историки, занимающиеся конкретно-историческими исследованиями масс в революциях 1917 г., пошли по пути описания соответствующих процессов в массовом сознании как его «эволюции», «трансформации», «ломки» и «деформации». Такая акцентуация «динамики» приводит к игнорированию «статики», невнимание к устойчивым компонентам и характеристикам массового сознания иногда — к неясной, но полной подмене сложнейшей категории «массового сознания» вовсе нетождественным ей понятием «массовые настроения»³⁰. Таким образом, на периферии внимания исследователей оказывается идейно-ценностный уровень массового сознания, без анализа которого немислимы выявление и научный учет смысловых оснований истории Империи.

В отличие от большинства историков, философов, напротив, зачастую грешат поисками формулировок неких архетипических констант русского сознания, взятого вне времени и конкретно-исторического контекста. Общим местом спекулятивных философско-исторических рефлексий при описании русского национального характера является акцент на его принципиальную «загадочность» и множественные констатации «противоречивости», «парадоксаль-

ности», «полярности», «амбивалентности», «антиномичности», «раздвоенности» и т.д. ... его субстанциональных качеств («мессианства» и «комплекса неполноценности», «богоизбранничества» и «ущербности», «религиозности» и «безбожности», «этатизма» и «анархизма», готовности к «бунту» и «смирению», стремления к «святости» и к «свинству» и т.д. и т.п.).

Крайности бинарных оценок русского народа — как «народа-богоносца» и «народа-зверя», «ангела и скотины», носителя «иконы и топора», парадигмально-лубочного образца «душевного здоровья нации» и «эпилептоида-психопата», хранителя «Святой Руси» в вечности и источника «психопатологий» в смутные времена — могут быть переосмыслены как проявления не «расколотоности», а единства и целостности его исторического пути. Это возможно только в конкретно-историческом и историософском синтезе с учетом системных параметров взаимодействия власти и общества в России и в контексте циклической динамики функционирования и воспроизводства Империи, имеющей свои запасы прочности, защитные механизмы и способы обеспечения цивилизационной идентичности и социокультурной преемственности.

За внешней противоречивостью проявлений народных масс в истории необходимо разглядеть скрытое внутреннее единство их функциональной обусловленности. Возвращаясь к нашей натуралистической аналогии: иммунитет ведь тоже может рассматриваться и как спасительная сила, и как сила, работающая на гибель. А то, насколько народные массы «конструктивны» либо «нигилистичны» по отношению к предлагаемым им «историческим альтернативам», в решающей степени зависит от того, способны ли соответствующие элиты понимать и выражать массы, адекватны ли — идеологически и психологически — эти элиты собственному народу. Другими словами, жизнеспособность того или иного политического режима России, его стабильность и исторические перспективы будут определяться тем, насколько этот режим в состоянии мобилизовать свой главный ресурс — свой народ.

Можно долго спорить о том, является ли мифом существование России как Империи, в смысле земного оплота Императива, и Державы, в смысле силы, сдерживающей Зло... Но вряд ли кто-то, знакомый с российской историей, возьмется оспорить тот факт, что когда наш народ в это действительно верит, он способен на, без преувеличения и иронии, подлинные чудеса героизма и подвиги созидания. И, напротив, все положительные черты народной ментальности готовы вывернуться своей разрушительной изнанкой, когда власть своими действиями подрывает веру в себя как выразителя Имперской идеи.

---

¹ Так, например, на недавнем Круглом столе, посвященном революции, одним из выступавших, видным общественным деятелем, было высказано буквально следующее: «Тем не менее, закончил бы я на мажорной ноте. Как известно, на выборах в Учредительное собрание победили эсеры, собрав 39,5 процента голосов. 4,5 процента получили кадеты, 3,5 процента — меньшевики, 14,5 процента — национальные партии. Большевики взя-

ли в масштабах страны лишь 22,5 процента голосов. Значит, несмотря на все потрясения, катаклизмы и прочее, общество проголосовало за демократический путь развития, за многопартийную систему, за социальную справедливость (выделено мной – П.М.)» (См.: Февральская революция 1917 года: уроки истории. Материалы заседания круглого стола 12 марта 2007 г. Фонд «Единство во имя России». М., 2007. С. 75). Вряд ли подобные утверждения стоят того, чтобы их всерьез опровергали историки. Но все же вопрос о том, почему действительная, а не иллюзорная победа в борьбе за массы и власть принадлежит большевикам, а не эсерам, меньшевикам или, тем более, кадетам, продолжает оставаться полем дискуссий, на котором все еще слышны отголоски гражданской войны.

² См., напр.: *Марченя П.П.* Массовое правосознание и победа большевизма в России. М., 2005.

³ *Булдаков В.П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 11, 59.

⁴ См.: *Марченя П.П.* Имперская идея и массовое правовое и политическое сознание в России // Имперские предчувствия России. М., Волгоград, 2005. С. 298–300; *Его же.* Держава и право в русском сознании // Философия хозяйства. 2006. №1 (43). — С. 138–144. // Или см.: [Электрон. ресурс]. — Режим доступа: <http://forum.barrel.ru/page=181>

⁵ См.: *Булдаков В.П.* Империя и смута: К переосмыслению истории русской революции // Россия и современный мир. 2007. № 3 (56). С. 7.

⁶ В этом контексте, поиски Идеи в России — это не просто «что-то вроде национальной русской забавы», как пошутил недавно наш Президент, это попытки (интуитивные или осознанные) нащупать утраченную Имперскую «почву», лишь опираясь на которую Россия может осмысленно и эффективно продолжать свою историю в человечестве.

⁷ Наиболее активную роль в этом контексте играет массовое правосознание, которое, в отличие от «конструктивистски» ориентированного сознания *религиозного, нравственного, политического...* — принципиально («негативистски») предостановлено на активное **противодействие неправому**. В рамках сложной структуры массового сознания именно «правовое» служит рациональным «спусковым механизмом» иррационального включения масс в политический процесс: оно переводит «социально-психологическое» в «идеологическое», трансформирует «социокультурное» в «политическое»... — См.: *Марченя П.П.* Правосознание народа как цивилизационный феномен // Гуманитарные науки на рубеже веков: Материалы Международной научно-практической конференции. Вып. IV. М., 2004. С. 48–50; *Его же.* Православное и правовое сознание в России // Православие и правосознание в России: история и современность. М., 2005. С. 183–188; *Его же.* Общественное правосознание в отечественной истории // Вестник Московского университета МВД России. 2006. №1. С. 158–160.

⁸ См.: *Марченя П.П.* Массы и массовое сознание в русской революции как предмет исторического познания // Историческое обозрение, 2007. Вып. 8. С. 28–43.

⁹ По выражению Д.И. Люкшина, «то, что Россия — страна крестьянская, справедливо и по сей день. Без учета этого обстоятельства, как и без уяснения того, что «национальная история есть путь к национальному самосознанию» (С.Ф. Платонов), которое собственно и выделяет народы культурные, невозможно ни понимание сути сегодняшних общественных процессов, ни развитие гуманитарного знания» (Люкшин Д.И. Вторая русская смута: крестьянское измерение. М., 2006. С. 133).

¹⁰ *Лурье С.В.* Как погибла русская община. // Крестьянство и индустриальная цивилизация. М., 1993. С. 144.

¹¹ Автор считает не допустимым использование в таком контексте расхожего термина «правовой нигилизм» — См.: *Марченя П.* Парадоксы мифологии «правового нигилизма» в России // Закон и право. 2006. №2. С. 20–22.

12 *Марченя П.П.* Крестьянское правосознание в русской революции // Вестник Московского университета МВД России. 2006. №5. С. 152–155.

13 См., напр., аналитический обзор МВД Временного правительства – ГАРФ. Ф.1791. Оп.6. Д.401. Л. 152 Об.

14 Как сформулировал академик С.Ф. Платонов накануне коллективизации (находясь под следствием ОГПУ): «Объяснение факту существования соввласти нахожу в том, что произошло это благодаря попустительству крестьянства...» (См.: Академическое дело 1929–1931 гг. Документы и материалы следственного дела, сфабрированного ОГПУ. СПб., 1993. С. 30).

15 *Марченя П.П.* Российская многопартийность в зеркале массового сознания (на материалах 1917 г.) // Вестник Московского университета МВД России. 2006. №2. С. 157–160.

16 Вообще, все базовые ценности кадетов находились в непримиримом «антирезонансе» с соответствующими ценностями массового сознания, образуя прямо-таки хрестоматийную, образцово-показательную систему бинарных оппозиций по схеме «свой – чужой»... – См.: *Марченя П.П.* Массовое сознание и мировоззренческие императивы самобытного пути России (на примере исторического выбора 1917 г.) // Философия хозяйства. 2004. № 3 (33). С. 180–187. // Или см.: [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://forum.barrel.ru/page=561>

17 *Ландау Г.А.* Противоречия революционной демократии (очерки смутного времени). / Рукопись статьи // РГА СПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 39. Л. 120.

18 Как тут не вспомнить слова В.И. Ленина о том, что интеллигенция в России является отнюдь не мозгом нации... Л.Д. Троцкий сходную натуралистическую метафору (при сравнении большевиков с эсерами как двух крайностей выражения «крестьянской подоплеки» всей русской революции) сформулировал следующим образом: «В этом именно смысле Ленин есть головное выражение национальной стихии. А черновщина отражает ту же национальную подоплеку, но не с головы, и даже совсем не с головы» (*Троцкий Л.Д.* К истории русской революции. М., 1990. С. 211).

19 См., напр., речь А.Н. Потресова на Всероссийском объединенном съезде РСДРП // РГА СПИ. Ф. 275. Оп. 1. Д. 12. Л. 18.

20 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т.8. С. 607.

21 Вообще, в отличие от кадетов, ценности большевизма можно представить в виде системы резонансных созвучий с соответствующими установками и ожиданиями массового сознания, по схеме бинарных координат «свой – свой»... – См.: *Марченя П.П.* «Общественное сознание» и «русский марксизм» // Гуманитарные науки на рубеже веков: Материалы Международной научно-практической конференции. Вып. III. М., 2003. С. 39–43; *Его же.* Массовое правосознание как социокультурная основа победы большевизма в России // Проблемы развития государства и права в современном российском обществе. Вып. IV. М., 2004. С. 268–283.

22 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 45. С. 475. С мнением основоположников марксизма корреспондируют и размышления Л.Н. Толстого. Автор «Войны и мира» настаивал, что причину исторических фактов следует искать не в действиях отдельных героев, а в коллективном волеизъявлении масс: «Для изучения законов истории мы должны изменить совершенно предмет наблюдения, оставить в покое царей, министров и генералов, а изучать однородные, бесконечно-малые элементы, которые руководят массами. Никто не может сказать, насколько дано человеку достигнуть этим путем понимания законов, но очевидно, что на этом пути только лежит возможность уловления исторических законов и что на этом пути не положено еще умом человеческим одной миллионной доли тех усилий, которые положены историками на описание деяний различных царей, полководцев и министров и на изложение своих соображений по случаю этих деяний» (*Тол-*

стой Л.Н. Собр. соч. в 22 т. Т. 6. М., 1979. С. 278). По смыслу тот же самый призыв к исторической науке содержится и в выводах крупнейших отечественных ученых. Ср.: «Как бы то ни было, современным историкам России давно следовало бы перенести центр тяжести исследований на проблемы пространства, культуры и «маленького» человека, не ограничиваясь анализом власти и правителей» (В.П. Булдаков. Российская история и российская прогностика: заглянуть в будущее, не познав прошлое? // Россия и современный мир. 2005. № 4 (49). С. 91).

²³ Ключевский В.О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968. С. 236–237.

²⁴ Булдаков В.П. Красная смута... С. 373, 372.

²⁵ Цит. по: Баландин Р.К. Мифы революции 1917 года. М., 2007. С. 89.

²⁶ Типичным образцом такого интеллигентского «передергивания» исторических карт можно считать «научно-мемуарные» выводы П.Н. Милюкова. Главным фактором неудачи «демократии» в России кадетский историк объявляет, «естественно», неспособность самих кадетов осознать утопичность своих идей в России 1917 г., а «бессознательность и темноту русской народной массы, которые, собственно, и сделали утопичным применение к нашей действительности даже таких идей, которые являются вполне современными, а частью даже осуществленными среди народов, более подготовленных к непосредственному участию в государственной деятельности» (Милюков П.Н. История второй русской революции // Российские либералы: кадеты и октябристы. М., 1996. С. 275). Антиисторическую традицию самоощенки продолжают современные российские либералы. В качестве иллюстрации приведем характерные высказывания И.М. Хакамады: «Я абсолютно не согласна с тем, что построение либеральной России – утопия. Но я не буду доказывать обратное, потому что на историческом опыте России доказать это невозможно»... «Я считаю, что 100% русского народа – либералы. Просто мы не можем сформулировать свои модели, ответить на их нужды» (См.: Российский либерализм: судьбы и перспективы («круглый стол») // Общественные науки и современность. 2005. – № 6. – С. 85, 86).

²⁷ Так, например, «прозревший» В.Г. Канин выдает буквально следующее: «Великая Февральская демократическая революция открыла новейшую эпоху освобождения России от феодальной монархии и решительного утверждения в грандиозной стране уникальной общечеловеческой ценности – демократии. Она подарила народу России большие надежды на созидательный мир, торжество моральных ценностей и социально-экономический прогресс, **приобщение к цивилизации** (выделено мной – П.М.)»... В том, что России так и не удалось «**приобщиться к цивилизации**», автор обвиняет обманувших народ «большевистских экстремистов» – «чудовищных социальных экспериментаторов» и «авантюристов»... (Канин В.Г. Прозрение. М., 2004. С. 194).

²⁸ Деникин А.И. Очерки Русской Смуты: В 3 книгах. Книга 1. М., 2005. С. 577.

²⁹ Чахотин С.С. В Каноссу // В поисках пути: Русская интеллигенция и судьбы России. М., 1992. С. 348–349.

³⁰ Так, например, Ю.Д. Коробков в заключительных выводах своей монографии подчеркивает: «Анализ массового сознания российского общества в 1917 году показывает, что оно претерпело существенную трансформацию, направленность которой можно определить как постепенную смену общенациональной эйфории, порожденной Февральской революцией, сначала настроением массового разочарования и тотального недовольства, выразившимися в росте антибуржуазной направленности массового сознания и в критическом отношении к властным структурам, а затем – крайней радикализацией сознания одних слоев общества и нарастанием ставшими перманентными апатии и ностальгии по старым порядкам у других» (Коробков Ю.Д. Между двуглавым орлом и красным знаменем. Общественное сознание российского общества в 1917 г. Магнитогорск, 2000. С. 117).